

Научная статья
УДК 343.9
doi: 10.17223/15617793/479/27

К вопросу о количественных и качественных показателях преступности несовершеннолетних в современной России

Елена Анатольевна Писаревская¹

¹ *Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, liorev@mail.ru*

Аннотация. Анализируются криминологически значимые количественные и качественные показатели преступности несовершеннолетних в Российской Федерации в текущем столетии. Подвергается сомнению достоверность устойчивой статистической тенденции по снижению зарегистрированной преступности несовершеннолетних. Доказывается, что эта тенденция не может быть объяснена исключительно положительными факторами жизнедеятельности нашего государства. Проводится критический анализ и приводится обоснование этой позиции.

Ключевые слова: состояние преступности несовершеннолетних, структура и динамика преступности несовершеннолетних, несовершеннолетние, совершившие преступления

Для цитирования: Писаревская Е.А. К вопросу о количественных и качественных показателях преступности несовершеннолетних в современной России // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 252–257. doi: 10.17223/15617793/479/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/27

On quantitative and qualitative indicators of juvenile delinquency in modern Russia

Elena A. Pisarevskaja¹

¹ *North-West Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation, liorev@mail.ru*

Abstract. The article focuses on the problems of reliability of the reflection of data on registered juvenile delinquency in official statistical information in Russia. For this purpose, the author compares the available statistical information on juvenile delinquency and other statistical data regarding, in particular, some socioeconomic indicators of the life of the Russian state that affect the state of juvenile delinquency. The author notes that the recorded delinquency of minors in our state annually demonstrates a steady downward trend, although small exceptions are observed in some time periods. The author provides data on quantitative and qualitative indicators of juvenile delinquency from the beginning of the current century to the present and carries out their critical analysis. The author notes that it would seem, if this trend continues in a few years, we will be able to “eliminate” juvenile delinquency. Making a forecast by applying the method of extrapolating statistics leads us to this encouraging conclusion. However, this trend cannot be explained solely by such positive factors as an improvement in the standard of living in our state, a way out of the socioeconomic crisis, and an increase in the quality of work of law enforcement officers. The reason for this decline cannot also be solely the presence of a demographic crisis. The author analyzes some problematic factors that “conflict” with the indicated statistical trend. The first factor is an obvious significant increase in the latency of the analyzed type of crime, which is associated with an increase in the influence of Internet content on the life of minors. The latter, “leaving” the real world, go into the virtual world, in which they become latent criminals and victims of various crimes. The second factor is the lack of real socioeconomic and moral-cultural prerequisites for such a significant decrease in the recorded juvenile delinquency in recent years. The third is the predominance of mercenary crimes in the crime structure of juvenile crimes, the presence of an ideology of consumption in our society. The fourth is the presence of a significant number of minors who have committed particularly serious crimes, despite the tendency to reduce the total number of identified minors who have committed crimes. The fifth is the consistently high rate of recurrent juvenile delinquency recorded by many criminologists. The sixth is the expansion of the list of crimes established in Part 2 of Article 20 of the Criminal Code of the Russian Federation, for the commission of which criminal liability is possible from the age of 14. The author concludes that the determining factor that allows us to doubt the reliability of official statistical information is the obvious presence of a socioeconomic and spiritual base of juvenile delinquency and the impossibility of such a significant reduction in the current socioeconomic and moral-cultural conditions.

Keywords: state of juvenile delinquency, structure and dynamics of juvenile delinquency, minors who committed crimes

For citation: Pisarevskaja, E.A. (2022) On quantitative and qualitative indicators of juvenile delinquency in modern Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 252–257. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/27

Зарегистрированная преступность несовершеннолетних в нашем государстве ежегодно демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению, хотя в отдельные временные периоды наблюдались и небольшие исключения. Так, анализ статистической информации показывает, что в начале текущего столетия – в 2000 г. было зарегистрировано 195 426 преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, в 2010 г. этот показатель составил уже 78 548 преступлений [1. С. 35].

Некоторое отступление от внешне обнадеживающей тенденции было зафиксировано в 2015 г., в котором было зарегистрировано 61 153 преступления этой категории, увеличение составило 3,2% (3,8% с учетом Крымского федерального округа) в сравнении с 2014 г., когда был отмечен показатель 59 240 преступлений [2]. Но это не изменило общую тенденцию снижения зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии. Она пришла к своему логическому завершению в 2021 г., в котором был зарегистрирован минимальный показатель рассматриваемого периода.

Так, распределение регистрации преступлений данной категории по годам показывает, что уже в 2016 г. было зарегистрировано только 53 726 (темп снижения составил –12,1% к 2015 г.), а в 2017 г. – 45 288 (–15,7% к 2016 г.) [3, 4], в 2018 г. – 43 553 (–3,8% к 2017 г.), в 2019 г. – 41 548 (–4,6% к 2018 г.), в 2020 г. – 37 771 (–9,1% к 2019 г.), в 2021 г. – 31 865 (–15,6% к 2020 г.) [5–8].

Эта тенденция вполне укладывается в тенденцию снижения регистрации всех преступлений в Российской Федерации (в 2000 г. в России в целом было зарегистрировано 2 952 367 преступлений, в 2010 г. – 2 628 799, в 2020 г. – 2 044 221, в 2021 г. – 2 004 404) [1. С. 33; 7; 8], однако имеет особенность. Количество зарегистрированных преступлений несовершеннолетних в сравнении с количеством всех зарегистрированных в нашей стране преступлений снижалось гораздо быстрее и значительнее. Так, темп снижения всех зарегистрированных в нашей стране преступлений в 2021 г. в сравнении с 2000 г. составил –32,2% при достаточно значительных колебаниях регистрации в рамках периода. В качестве примера приведем показатель зарегистрированных преступлений в России в 2006 г., в этом году он составлял 3 855 373 преступления [1. С. 33]. При этом темп снижения преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, в 2021 г. по отношению к 2000 г. составил –83,7%. Разница колоссальна.

На фоне снижения абсолютного показателя регистрации преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, снижался и удельный вес преступлений, совершенных данными лицами, в

общем числе зарегистрированных преступлений. Так, если в 2000 г. он составлял 6,6%, то в 2010 г. – 5,5%, в 2020 г. – 3,7%, а в 2021 г. уже 3,1% [1. С. 35; 7; 8]. И если первое десятилетие текущего столетия не демонстрировало столь значительного снижения показателя, то второе десятилетие показывало большее уменьшение.

Всему вышесказанному соответствует «статистическая картина» «несовершеннолетних преступников» или лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. Если в 2000 г. их было выявлено 177 851, а удельный вес в общем объеме выявленных лиц, совершивших преступления, составил 10,2%, то в 2010 г. их было выявлено 70 955 при удельном весе 6,4%, в 2020 г. уже 33 575 (удельный вес 3,9%), в 2021 г. – 29 128 (удельный вес 3,4%) [1. С. 35; 7; 8]. Следовательно, темп снижения по выявленным лицам данной возрастной категории в 2021 г. по отношению к 2000 г. составил –83,7%, что вполне коррелирует с приведенными показателями о снижении регистрации преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии.

Обращение к судебной статистике подтверждает данную тенденцию. Если из года в год правоохранительными органами выявляется все меньше и меньше несовершеннолетних преступников, то судами осуждается и того меньше лиц рассматриваемой возрастной категории, ежегодно количество осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, в нашем государстве также сокращается. Так, если в 2021 г. было выявлено 29 128 лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, то осуждено судами в этот период было 14 855 лиц этой возрастной категории [9]. Не оспаривая тот факт, что определенный разрыв между этими показателями должен быть всегда, это свидетельствует об обоснованной экономии уголовной репрессии в отношении несовершеннолетних в государстве, разрыв между приведенными показателями выглядит значительным. Для сравнения: в 2015 г. судами было осуждено 22 816 лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, т.е. почти столько же, сколько было в целом выявлено правоохранительными органами в 2021 г. [10].

При этом «лидерами» среди преступлений, за которые осуждались лица, совершившие их в несовершеннолетнем возрасте, являлись преступления, включенные в гл. 21 «Преступления против собственности» УК РФ. Так, если в 2015 г. за совершение этих преступлений были осуждены 17 082 «несовершеннолетних преступника», то в 2021 г. – 11 483 [9, 10]. Соответственно, удельный вес осужденных за преступления данной категории в общем числе осужденных за преступления, совершенные в несовершеннолетнем

возрасте, составил в 2015 г. 74,8%, а в 2021 г. даже увеличился (77,3%).

Немного снизились показатели осуждения за преступления, предусмотренные гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» УК РФ. Если в 2015 г. за эти преступления были осуждены 2 862 «несовершеннолетних преступника» и их удельный вес составил 12,5% от всех осужденных за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте, то в 2021 г. абсолютный показатель составил 1 475, а удельный вес снизился до 9,9%.

Фактически не изменились показатели осуждения за преступления, предусмотренные гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья», 18 «Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности» и гл. 24 «Преступления против общественной безопасности» УК РФ. Так, если в 2015 г. за преступления, предусмотренные гл. 16, были осуждены 1 663 лица рассматриваемой возрастной категории, их удельный вес в общем количестве осужденных, совершивших преступления, в несовершеннолетнем возрасте составил 7,2%, то в 2021 г. при уменьшении абсолютного показателя до 940 удельный вес изменился незначительно и составил 6,3% [9, 10]. За преступления, предусмотренные гл. 18 УК РФ, в 2015 г. были осуждены 395 «несовершеннолетних преступников», их удельный вес составил 1,7%. При этом в 2021 г. при снижении аналогичного абсолютного показателя до 290 удельный вес даже увеличился и составил 1,9% [9, 10]. Удельный вес осужденных за преступления, предусмотренные гл. 24 УК РФ, вообще не изменился и составил 0,9%, при уменьшении абсолютного показателя с 217 осужденных в 2015 г. до 134 в 2021 г. [9, 10].

Совокупный удельный все осужденных за указанные преступления в 2015 г. составил 97,5%, а в 2021 г. – 96,3%. Эти показатели убеждают нас в том, что несовершеннолетние «остались» несовершеннолетними и продолжают совершать характерные для них преступления. При этом возникает вопрос: почему же данные преступления снижаются в количественном выражении?

Полагаем, что достоверность тенденции по неуклонному снижению зарегистрированных количественных показателей преступности несовершеннолетних довольно сомнительна. На первый взгляд, кажется, что при продолжении этой тенденции через несколько лет мы будем способны «ликвидировать» преступность несовершеннолетних. Составление прогноза путем применения метода экстраполяции статистических данных приводит нас к этому обнадеживающему выводу. Однако эта тенденция не может быть объяснена исключительно такими положительными факторами, как улучшение уровня жизни в нашем государстве, выход из социально-экономического кризиса, повышением качества работы сотрудников правоохранительных органов [11].

Возможно, основополагающим фактором, объясняющим снижение зарегистрированной преступности несовершеннолетних, является общее сокращение численности несовершеннолетнего населения. Ведь

численность населения в возрасте 0–15 лет на протяжении 18 лет с 1990 по 2008 г. сокращалась, в России наблюдалась так называемая демографическая яма и лишь в 2008 г. численность этой возрастной группы несколько увеличилась – на 44 тыс., или на 0,2% [12]. Численность населения в возрасте 0–15 лет за 2020 г. сократилась на 55 тыс. человек (0,2%) и составила к началу 2021 г. 27,4 млн человек, или 18,7% от общей численности населения [13]. Данные Федеральной службы государственной статистики также позволяют проследить изменения в численности возрастной группы несовершеннолетних, подлежащих уголовной ответственности, в период с 01 января 2009 г. по 01 января 2021 г. Так, численность данной возрастной группы по состоянию на 01.01.2009 г. составляла 6 415 057, а на 01.01.2021 г. – 5 991 580 [12, 13].

Таким образом, численность населения, способного нести уголовную ответственность в указанный период времени, сократилась всего на 6,7%. При отсутствии значительных изменений в социально-экономическом благополучии населения преступность несовершеннолетних не могла претерпеть столь значительные сокращения только из-за уменьшения численности возрастной группы, «воспроизводящей» будущих преступников, или незначительного сокращения населения, способного нести уголовную ответственность.

При этом коэффициент преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии (число преступлений на 100 тыс. населения в возрасте 14–17 лет), также неуклонно и последовательно сокращался. Так, в 2013 г. данный показатель составил 1 238,3, в 2015 г. – 1 158,1 [14. С. 53], в 2020 г. – 630,4 [13].

В связи с вышесказанным хотелось бы остановиться на некоторых проблемных факторах, наличие которых «вступает» в противоречие с обозначенной статистической тенденцией.

Первый – это очевидное значительное возрастание латентности анализируемого вида преступности, связанное с возрастанием влияния интернет-контента на жизнь несовершеннолетних, последние, «покидая» реальный мир, уходят в виртуальный, в котором становятся латентными преступниками и жертвами разнообразных преступлений.

Второй – отсутствие реальных социально-экономических и нравственно-культурных предпосылок для столь значительного снижения зарегистрированной преступности несовершеннолетних в последние годы. В частности, социально-экономические кризисы, вызванные разными причинами, носят «затяжной» характер. Приведем некоторые данные в подтверждение нашей позиции. Согласно официальным статистическим данным, в России сохраняется достаточно высокий уровень бедности. Так, в январе–сентябре 2021 г. численность населения с денежными доходами ниже границы бедности в целом по Российской Федерации составила 17,6 млн человек, или 12,1% от общей численности населения [15]. Число неполных семей в России в 2021 г. составило 6,2 млн [16]. А ведь бедные и неполные семьи, к сожалению, очень часто попадают в категорию неблагополучных

из-за объективной невозможности обеспечить контроль над детьми. Соответственно, мы не можем говорить о том, что «социальная база» преступности несовершеннолетних значительно уменьшилась.

Третий – обозначенная выше тенденция по сохранению свойственной для преступности несовершеннолетних структуры совершаемых преступлений, в том числе очевидной социально обусловленной, поскольку в структуре данного вида преступности преобладают преступления корыстной направленности, совершение которых связано не только с поверхностной возрастной мотивацией, но и с необходимостью получения определенных материальных благ преступным путем в условиях возрастающей социальной дифференциацией населения в современном обществе, которая особенно болезненно воспринимается в несовершеннолетнем возрасте. Согласимся с тем, что в нашем обществе сформировалась идеология потребления, которая создает духовную предпосылку для преступности, так как деформирует ценностную систему в структуре личности, выдвигая потребности материального характера на первый план, а также допуская установку на возможность их удовлетворения путем совершения преступления [17. С. 9].

Четвертый – наличие значительного количества несовершеннолетних, которые совершили особо тяжкие преступления, несмотря на тенденцию к сокращению общего количества выявляемых несовершеннолетних. Так, в 2010 г. количество предварительно расследованных особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, составило 2 551 преступление (максимальный показатель периода), в 2021 г. их количество снизилось на 27,9%, но тем не менее составило 1 841. Минимальное значение в рамках периода было зарегистрировано в 2016 г. и составило 1 632 преступления [18]. По нашему мнению, данный показатель демонстрирует волнообразную динамику и не показывает устойчивую тенденцию к снижению. Хотя следует признать, что по тяжким преступлениям статистика демонстрирует более устойчивую тенденцию к снижению. Так, в 2021 г. было расследовано 7 214 тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними, тогда как в 2012 г. было расследовано 12 817 преступлений [19], темп снижения составил –43,8%. Однако удельный вес предварительно расследованных тяжких преступлений лиц данной возрастной категории в общем числе подобных преступлений оставался значительным. Так, в 2021 г. удельный вес тяжких преступлений составил 4,6%, особо тяжких – 4,5%.

Пятый – фиксируемый многими криминологами стабильно высокий уровень рецидивной преступности несовершеннолетних [1. С. 4]. Это утверждение в настоящее время можно подтвердить данными судебной статистики, согласно которым, например, в 2015 г. судами в России было осуждено 4 067 лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, с неснятыми и непогашенными судимостями, их удельный вес от общего числа осужденных данной возрастной категории составил 17,8%; в 2021 г. аналогичный абсолютный показатель был равен

2 737, а удельный вес даже возрос и составил 18,4% [9, 10]. И это только данные официальной статистики!

При этом в анализируемый период времени отчетливо прослеживается тенденция по гуманизации назначаемых несовершеннолетним наказаний. Так, в 2021 г. из 14 855 лиц, осужденных за совершение преступлений в несовершеннолетнем возрасте, 5 786 лиц (38,9%) были условно осуждены к лишению свободы. На втором месте по распространенности было осуждение к обязательным работам – 2 614 лиц, или 17,5% от всех осужденных данной возрастной категории. К лишению свободы на определенный срок в 2021 г. были осуждены 2 412 «несовершеннолетних преступников», их удельный вес составил 16,2%, к штрафу – 1 490, их удельный вес составил 10,0% [9].

Таким образом, наиболее распространенными «вариантами» осуждения несовершеннолетних, не связанных с лишением свободы, в 2021 г. были условное осуждение к лишению свободы, осуждение к обязательным работам и штрафу. Совокупный удельный вес данных вариантов осуждения составил 66,4%. Кроме того, в 2021 г. 11,3% лиц, осужденных за совершение преступлений в несовершеннолетнем возрасте, были освобождены от наказания по приговору или наказание им не назначалось [9]. Сравнение относительных показателей осуждения лиц анализируемой возрастной категории 2021 г. с показателями 2015 г. позволяет говорить о том, что «лидирующие позиции» осуждения 2015 г. в 2021 г. были в целом сохранены с незначительными колебаниями. В 2021 г. удельный вес лиц анализируемой возрастной категории, осужденных условно к лишению свободы, несколько снизился до 38,9% против 41,4% в 2015 г., удельный вес осужденных к обязательным работам увеличился до 17,5% в 2021 г. против 16,7% в 2015 г., удельный вес осужденных к штрафу также увеличился до 10,0% в 2021 г. против 8,9% в 2015 г. [9, 10]. Кроме того, в 2021 г. немного – до 11,3% возрос удельный вес лиц, освобожденных от наказания по приговору или которым наказание не назначалось, тогда как в 2015 г. аналогичный показатель составлял 10,4%. При этом в анализируемый период немного снизился удельный вес осужденных к лишению свободы, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, с 17,3% в 2015 г. до 16,2% в 2021 г. [9, 10].

Согласимся с тем, что это соответствует тренду уголовной политики нашего государства, которая направлена на сокращение практики применения лишения свободы несовершеннолетним [20. С. 306]. Однако это и вызывает вопросы, связанные, в том числе, с возможным повышением уровня искусственной латентности преступности несовершеннолетних. Ведь в условиях, когда дети совершают небольшие условные «шалости», можно предположить, что с точки зрения правоохранительных органов существует возможность кардинально сэкономить уголовную репрессию особенно в условиях ее возможной неэффективности.

Шестой – расширение перечня преступлений, установленных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, за совершение которых возможна уголовная ответственность с 14-летнего возраста, что, казалось бы, должно повлечь

увеличение количества зарегистрированных преступлений несовершеннолетних определенной категории, однако этого в реальной действительности не произошло. Впрочем, этот фактор является довольно спорным, поскольку существуют вопросы относительно обоснованности снижения (установления) уголовной ответственности с 14-летнего возраста за преступления определенной категории.

Определяющим фактором, позволяющим усомниться в достоверности официальной статистиче-

ской информации по делам данной категории, является очевидное наличие социально-экономической и духовной базы преступности несовершеннолетних и невозможность ее столь значительного сокращения в текущих социально-экономических и нравственно-культурных условиях. Наличие латентных преступлений способствует формированию у несовершеннолетних чувства безнаказанности и, несомненно, влияет на увеличение криминологического рецидива.

Список источников

1. Прокументов Л.М., Ольховик Н.В. Рецидивная преступность несовершеннолетних осужденных и ее предупреждение. Томск, 2011. 154 с.
2. Обзор о реализации в субъектах Российской Федерации мероприятий в сфере профилактики правонарушений в 2015 году. URL: <https://мвд.рф/document/8109795> (дата обращения: 27.04.2022).
3. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 года. URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения: 27.04.2022).
4. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2017 года. URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения: 27.04.2022).
5. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2018 года. URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения: 27.04.2022).
6. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года. URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения: 27.04.2022).
7. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 года. URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения: 27.04.2022).
8. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года. URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения: 27.04.2022).
9. Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, в 2021 году. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 27.04.2022).
10. Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, в 2015 году. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (дата обращения: 27.04.2022).
11. Тенунаев А.С., Дубова М.Е. Новый взгляд на качественно-количественные показатели подростковой преступности в России // Юридические исследования. 2021. № 21. С. 44–63. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34667 (дата обращения: 27.04.2022).
12. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту 2009. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 27.04.2022).
13. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 01 января 2021 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 27.04.2022).
14. Преступность и правонарушения (2013–2017). Статистический сборник. Москва, 2018.
15. Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности в целом по Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/218_03-12-2021.htm (дата обращения: 27.04.2022).
16. Статистические данные на 2021 год. Неполные семьи. URL: https://kc-zakon.ru/postanovka-na-uchet/rosstat-nepolnye-semi-v-2021-godu#_2021 (дата обращения: 27.04.2022).
17. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Общесоциальные детерминанты преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 5–14.
18. Предварительно расследовано особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 20.04.2022).
19. Предварительно расследовано тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии. URL: http://crimestat.ru/offenses_table (дата обращения: 20.04.2022).
20. Прокументов Л.М., Ольховик Н.В., Карелин Д.В. Эффективность наказаний и иных мер, предусмотренных уголовным законом для несовершеннолетних, совершивших преступление // Всероссийский криминологический журнал. Т. 14, № 2. С. 305–312.

References

1. Prokumentov, L.M. & Ol'khovik, N.V. (2011) *RetSIDivnaya prestupnost' nesovershennoletnikh osuzhdennykh i ee preduprezhdenie* [Recidivism in juvenile offenders and its prevention]. Tomsk.
2. RF Ministry of Internal Affairs. (2015) *Overview of the implementation of measures in the field of crime prevention in the constituent entities of the Russian Federation in 2015*. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/8109795> (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
3. RF Ministry of Internal Affairs. (2016) *The state of crime in Russia in January–December 2016*. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/> (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
4. RF Ministry of Internal Affairs. (2017) *The state of crime in Russia in January–December 2017*. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/> (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
5. RF Ministry of Internal Affairs. (2018) *The state of crime in Russia in January–December 2018*. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/> (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
6. RF Ministry of Internal Affairs. (2019) *The state of crime in Russia in January–December 2019*. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/> (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
7. RF Ministry of Internal Affairs. (2020) *The state of crime in Russia in January–December 2020*. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/> (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
8. RF Ministry of Internal Affairs. (2021) *The state of crime in Russia in January–December 2021*. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/> (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
9. Cdep.ru. (2021) *Otchet ob osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniya v nesovershennoletnem vozraste, v 2021 godu* [Report on convicts who committed crimes as minors in 2021]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (Accessed: 27.04.2022).
10. Cdep.ru. (2015) *Otchet ob osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniya v nesovershennoletnem vozraste, v 2015 godu* [Report on convicts who committed crimes as minors in 2015]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (Accessed: 27.04.2022).
11. Tenunaev, A.S. & Dubova, M.E. (2021) *Novyy vzglyad na kachestvenno-kolichestvennyye pokazateli podrostkovoy prestupnosti v Rossii* [A new look at the qualitative and quantitative indicators of juvenile delinquency in Russia]. *Yuridicheskie issledovaniya*. 21. pp. 44–63. [Online] Available from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34667 (Accessed: 27.04.2022).
12. Rosstat. (2009) *Population of the Russian Federation by sex and age, 2009*. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).

13. Rosstat. (2021) *Population of the Russian Federation by sex and age, 01 January 2021*. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
14. Anon. (2018) *Prestupnost' i pravonarusheniya (2013–2017). Statisticheskii sbornik* [Crime and offenses (2013–2017). Statistics]. Moscow.
15. Rosstat. (2021) *Population with cash incomes below the poverty line in the Russian Federation*. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/218_03-12-2021.htm (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
16. Rosstat. (2021) *Statistics for 2021. Incomplete families*. [Online] Available from: https://kc-zakon.ru/postanovka-na-uchet/rosstat-nepolnye-semi-v-2021-godu#___2021 (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
17. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2018) Obshchetsotsial'nye determinanty prestupnosti [General social determinants of crime]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 12 (1). pp. 5–14.
18. Crimestat. (2022) *Predvaritel'no rassledovano osobo tyazhkiykh prestupleniy, sovershennykh nesovershennoletnimi ili pri ikh souchastii* [Particularly serious crimes committed by minors or with their complicity have been preliminary investigated]. [Online] Available from: http://crimestat.ru/offenses_chart (Accessed: 20.04.2022).
19. Crimestat. (2022) *Predvaritel'no rassledovano tyazhkiykh prestupleniy, sovershennykh nesovershennoletnimi ili pri ikh souchastii* [Serious crimes committed by minors or with their complicity have been preliminary investigated]. [Online] Available from: http://crimestat.ru/offenses_table (Accessed: 20.04.2022).
20. Prozumentov, L.M., Ol'khovik, N.V. & Karelin, D.V. (2020) Effektivnost' nakazaniy i inyykh mer, predusmotrennykh ugovolnym zakonom dlya nesovershennoletnikh, sovershivshikh prestuplenie [The effectiveness of punishments and other measures provided by the criminal law for minors who have committed a crime]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 14 (2). pp. 305–312.

Информация об авторе:

Писаревская Е.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: liorev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Pisarevskaya, Cand. Sci. (Law), associate professor, North-West Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: liorev@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 04.05.2022;
одобрена после рецензирования 17.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.*

*The article was submitted 04.05.2022;
approved after reviewing 17.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.*